

<https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2021-202-193-206>

А. К. Филиппов, К. А. Филиппов

АСИММЕТРИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ В ОРИГИНАЛЬНОМ И ПЕРЕВОДНОМ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В статье рассматривается лексическое воплощение концепта истины в английском, немецком и русском языках на материале произведений У. Шекспира, И. В. Гёте и А. С. Пушкина и их переводов. Сопоставление исследуемых текстов обнаруживает устойчивое соответствие лексем truth — Wahrheit — правда/истина. Русские лексемы правда и истина в большинстве примеров реализуются в разных концептуальных сферах, различие между которыми в английском и немецком языках передается иными лексическими и синтаксическими средствами. Вместе с тем, в семантике русских слов правда и истина обнаруживается большое количество общих компонентов, которые присутствуют также и в структуре значения немецкого Wahrheit и английского truth.

Ключевые слова: русский язык, немецкий язык, английский язык, художественный текст, перевод, культурный концепт

A. Filippov, K. Filippov

ASYMMETRY OF CULTURAL CONCEPTS IN ORIGINAL AND TRANSLATED LITERARY TEXTS

The article discusses basic lexical elements referring to the concept of truth in English, German and Russian languages. The evidence is taken from the works by W. Shakespeare, J. V. von Goethe and A. S. Pushkin and their translated versions. The comparative textual analysis found regular correspondences between the words 'truth', 'Wahrheit', and 'правда' / 'истина'. Russian words 'правда' and 'истина' are normally used in different conceptual spheres. This difference is accommodated in English and German by various lexical and syntactic markers. At the same time, 'правда' and 'истина' share a number of common semantic features with the German 'Wahrheit' and English 'truth'.

Keywords: Russian language, German language, English language, literary text, translation, cultural concept.

1. Введение

Язык и культура представляют собой два взаимосвязанных, взаимообусловленных, неотделимых друг от друга и предполагающих друг друга феномена человеческой цивилизации. С одной стороны, язык — это «культурный феномен par excellence» (*ein kulturelles Phänomen par excellence*), а с другой стороны, культура является «интегральной составной частью любой языковой интеракции» (*ein integraler Bestandteil jeder sprachlichen Interaktion*) [34, с. 348]. В этом

отношении справедливо суждение Г. В. Колшанского, сравнившего язык с «книгой, в которой запечатлены все пути понятийного освоения мира человеком на всем протяжении его истории» [24, с. 24].

В несколько иной плоскости лежат взаимосвязи между языком и культурой, когда мы имеем дело не с «языком вообще», а с конкретным языком, то есть когда перед нами «этнический» или «идиоэтнический» (от греч. *idios* — «своеобразный») язык — «некоторая реально существующая знаковая

система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве» [4, с. 604]. Прежде всего следует остановиться на роли языка как средства формирования картины мира, свойственной тому или иному языковому коллективу. Очень точно раскрывает эту роль В. Б. Касевич: «Если мы возьмем универсум сообщений на данном языке, т. е. потенциально бесконечное множество высказываний соответствующего языка, и сопоставим его с миром, объективной действительностью, то обнаружим, что в этом универсуме отражается картина мира, релевантная, действительная для данного языкового коллектива» [23, с. 15]. З. Я. Тураева отмечает особую роль лексики в формировании картины мира: «Каждый язык представляет собой концептуализацию мира, отражает видение мира тем или иным этносом. Большую роль играет в этом лексикон» [29, с. 58].

В настоящей статье мы проследим на конкретных примерах, какое языковое выражение в русском, немецком и английском языках приобретает одно из фундаментальных мировоззренческих понятий, представленное, по-видимому, во всех языках и культурах, — понятие *истины*.

2. Концепт истины в русском, немецком и английском языках

По мнению Н. Д. Арутюновой, «концепт истины фундаментален для всех сфер знания, и вместе с тем он лежит в основании веры. Он присутствует в обыденном сознании людей и закреплен во всех языках в слове или ряде слов, вокруг которых группируется лексикон, которым истина «говорит» в повседневной речи и в художественных текстах, в Священном Писании и в языке науки» [18, с. 3].

Как известно, в русском языке понятию истины соответствуют два слова — *истина* и *правда*. Вопрос о соотношении между ними, а также об их связи с теми или иными лексемами различных европейских языков, неоднократно поднимался как лингвистами,

так и философами. В словаре В. И. Даля в качестве иллюстративного материала к статье на слово «истина» приводится высказывание: «Истина от земли, достояние разума человека, а правда с небес, дар благодости» [3, с. 140]. В то же время в современном русском языке наблюдается иная картина. Так, по словам Арутюновой, «в современном русском языке *правда* и *истина* употребляются синонимично в значении соответствия высказывания действительности при том, что сам круг высказываний, которым дается истинностная оценка, различен» [16, с. 16]. Анализируя концептуальные сферы русских слов «истина» и «правда», Арутюнова приходит к выводу, что эти концепты локализованы в принципиально разных пространствах: истина относится к божественному миру, истина и истинность — к эпистемическому (логическому) пространству, правда — к миру человека [17, с. 30].

К приведенному выше мнению А. Д. Шмелев добавляет, что *правда* и *истина* противопоставлены друг другу не по одному, а по двум признакам: кроме принадлежности к божественному или человеческому миру (носитель истины) существенно также, связывается ли истинность с соответствием действительности или с соответствием правилам, правильностью (источник истины) [33, с. 56]. К тому же при обсуждении вопроса о критериях истины необходимо учитывать замечание В. Г. Гака:

Прямое (словарное) определение истины — соответствие нашего представления действительности не может дать окончательного ответа на наш вопрос, поскольку, согласно закону дополнительности, возможен ряд индивидуальных отражений, соотносящихся с одной и той же реальностью [19, с. 31].

Принадлежность понятия, выражаемого именно словом *истина*, к божественной сфере, характерно также для русского религиозно-философского дискурса в XX в. (см. напр. сочинение П. Флоренского «Столп и утверждение истины» [30]). Интерес для

настоящего исследования также представляет взгляд С. Л. Франка, согласно которому разграничение понятий *истина* и *правда* представляет собой одну из важных черт русского мировоззрения. Слово «правда» русский философ считает непереводаемым, поскольку оно «с одной стороны, означает истину в смысле теоретически адекватного образа действительности, а с другой — “нравственную правоту”, нравственные основания жизни, ту самую духовную сущность бытия, посредством которой оно становится внутренне единым, освящается и спасается». По мнению Франка, точным эквивалентом русского *истина* является немецкое *Wahrheit*, а *правде* скорее соответствует немецкое *richtig*, а также английское *right* [31, с. 152].

В современном немецком языке с концептом истины в первую очередь связано слово *Wahrheit*. Согласно «Словарю немецкого языка» братьев Гримм, немецкое слово *Wahrheit* «в своем главном и исконном значении» (*in seinen hauptsächlichsten und ursprünglichsten verwendungen*) восходит с прилагательному *wahr*, т. е. который обозначает нечто, «соответствующее действительности» [10]. Словарь Дудена трактует *Wahrheit* как «соответствие высказывания предмету, о котором идет речь» (*die Übereinstimmung einer Aussage mit der Sache, über die sie gemacht wird*), как «действительное положение дел» (*wirklicher Sachverhalt*) и как «отображение действительности» (*Spiegelbild der Wirklichkeit*) [9]. В корне прилагательного *wahr* словарь Дудена фиксирует три различных значения и выделяет семы «соответствия действительности, фактам» (*der Wirklichkeit, den Tatsachen entsprechend; wirklich, tatsächlich*), «отсутствия вымысла» (*nicht erdichtet, erfunden*), а также семы «подлинный, искренний» (*echt, aufrichtig*) и «правильный, настоящий» (*richtig, regelrecht*) [9].

В связи с тем, что в немецком языке понятие *истина* воплощено в одной лексической единице — слове *Wahrheit*, при переводе немецкого слова *Wahrheit*, а также сочетаний, в состав которых оно входит,

словари рекомендуют пользоваться двумя русскими эквивалентами — *правда* и *истина*; ср.: *bei der Wahrheit bleiben* — говорить правду, придерживаться истины; *jemandem unverblümt die Wahrheit sagen* — сказать кому-либо всю правду в глаза; *der Wahrheit die Ehre geben* — воздать должное истине, говорить по правде — по совести и т. п. [2, с. 566]. Некоторые словари отмечают при этом, что перевод слова *Wahrheit* как «истина» чаще всего используется в научной сфере (ср.: «*Wahrheit* f правда; meist wissenschaftliche истина» [7, с. 635]).

Этимологический анализ слова *Wahrheit* выявляет индоевропейское родство корня *wahr* с латинским *vērus* и русским «вера». В. М. Жирмунский указывает на происхождение древневерхненемецкого *wār* от корня *wes-* («быть», «сущий») [22, с. 301]. Подробные сведения о связи немецкого слова *wahr* с латинским *vērus* и русским «вера» содержатся также в «Этимологическом словаре немецкого языка» Фр. Клюге (см. [35, с. 412]).

В английском языке концепту истины также соответствует одна лексема — *truth*. Это слово, производное от прилагательного *true*, обладает спектром значений и оттенков употребления. Большинство современных толковых словарей английского языка для слова *truth* в качестве основного выделяют значение «установленный факт» (в противоположность предположению или выдумке; часто с определенным артиклем — *the truth*) [5; 6; 12; 13]. Интересно, что в данной формулировке объединяются два по сути разных употребления существительного *truth*. Первое из них касается собственно реальных фактов («*she found out the truth about him*» “она узнала **правду** о нем” [13]), а второе — соответствующих действительности утверждений об этих фактах («*tell me the truth*» “скажи мне **правду**” [13]). Эти два оттенка различает словарь Мерриэм-Уэбстер: «совокупность реальных объектов, событий и фактов: ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ» и «совокупность истинных утверждений и высказываний» [8]). Семантический тезаурус

WordNet, выделяющий значения (senses) на основании групп контекстов, также различает *подтвержденные факты* и *истинные высказывания* [15]. Наиболее адекватным русским эквивалентом для *truth* в данном значении в большинстве случаев выступает *правда* — независимо от того, идет ли речь о фактах или высказываниях.

Еще одно значение, приводимое в словарях, связано с общественным консенсусом относительно того, что можно считать истинным [5; 6; 8; 12; 13]: «universal truths» — “универсальные истины” [12]. В данном значении английскому *truth* скорее соответствует русское *истина*, а не *правда*, хотя в ряде контекстов также подходит слово *факт*: «a scientific truth» — “научный факт” [5].

Прочие значения слова *truth* являются менее употребительными либо устаревшими. Некоторые из них связаны с духовной сферой, что сближает их с русским *истина*: «трансцендентальная фундаментальная или духовная реальность» и даже «Бог» [8] (ср. рус. *Божественная Истина*). Другие в современном английском языке остаются актуальными скорее для прилагательного *true*: «соответствие оригиналу или стандарту» [8], ср. «Only true deer have antlers» “рога имеются только у настоящих оленей” [5]; «верность, приверженность» [8], ср. «a true friend» — “настоящий друг” [13]. Приведенные употребления также связаны скорее с русским концептом *истины*, нежели *правды* (ср. *истинный джентльмен*).

Исторически именно последнее из приведенных значений («надежность, преданность») является первичным для прилагательного *true* и существительного *truth*. Данное значение присутствует уже в древнеанглийском языке, а в XIII–XIV вв. фиксируется употребление обоих этих слов в современном значении. Этимологически английское *true*, согласно данным оксфордского этимологического словаря, связано, помимо прочего, с немецким *treu* “верный” и с современным английским *truce* “перемирие” [14]. В «Словаре средневерхнемецкого

языка» М. Лексера также указывается, что английским соответствием немецкой лексики *treu* выступают слово *true* “wahr” и его дериват *truth* “Wahrheit” [11, с. 398].

Далее мы рассмотрим на примерах разноязычных фрагментов из творчества У. Шекспира, А. С. Пушкина и И. В. Гёте — авторов, которых можно причислить к основоположникам английской, русской и немецкой литературы соответственно, — каким образом асимметрия культурных концептов влияет на воплощение концепта *истина* в конкретном текстовом выражении.

3. Опыт семантико-прагматического анализа концепта *истина* на материале английского, немецкого и русского языков

Общеизвестно, что «каждый язык обладает своей собственной семантической структурой» [25, с. 72]. Это положение Дж. Лайонза основывается на том, «что язык конкретного общества является составной частью его культуры и что лексические разграничения, проводимые каждым языком, обычно отражают важные (с точки зрения этой культуры) свойства объектов, установлений и видов деятельности того общества, в котором функционирует язык» [25, с. 456–457].

В настоящем исследовании мы имеем дело с тремя парами сопоставлений: 1) английский оригинальный текст — немецкий и русский переводные тексты; 2) русский оригинальный текст — английский и немецкий переводные тексты; 3) немецкий оригинальный текст — английский и русский переводные тексты. При анализе лексико-стилистического оформления рассматриваемых текстов на передний план выходят различия в лингвокультурных особенностях английского, немецкого и русского языков.

3.1 Оригинальный текст на английском языке — переводные тексты на немецком и русском языках

А. И. Полторацкий, признавая, что «основными словарными эквивалентами для

truth являются в русском языке *правда* и *истина*» [27, с. 102], в ходе анализа произведений Шекспира приходит к неутешительному выводу:

Распределение контекстов со словом *truth* по данным двум разрядам оказалось задачей чрезвычайно сложной, непродуктивной и полностью вряд ли осуществимой — не в последнюю очередь благодаря тому высоко ценившемуся тогда искусству, с каким Шекспир был способен реализовать в одном и том же контексте два (и даже более) словарных значения единого многозначного слова [27].

В подтверждение причудливых семантических отношений, касающихся многослойного семантического концепта *истина/правда* в английском, немецком и русском художественных дискурсах, рассмотрим три аналогичных фрагмента комедии «Мера за меру» (*Measure for Measure*) — одного из нечасто цитируемых произведений Шекспира. В четырех строках этого стихотворного текста несколько раз встречаются лексемы, выражающие данный концепт в английском, немецком (перев. А. Шлегеля) и русском (перев. М. А. Зенкевича) языках:

Isabella / It is not **truer** he is Angelo / Than this is all as **true** as it is strange: / Nay, it is ten times **true**; for **truth** is **truth** / To the end of reckoning [39].

Isab[ella] / Es ist nicht **wahrer**, daß er Angelo, / Als daß dieß alles ganz so **wahr**, als seltsam; / Ja, zehnfach **wahrer**; **Wahrheit** bleibt ja **Wahrheit**, / Wie mir die Summe ziehn! [40, S. 360].

Изабелла / И **верно** так же, как он — Анджело. / И все это так же **верно**, как и странно, / Нет, в десять раз **верней**, ведь **правда правдой** / Всегда останется [32, с. 452].

В данном отрывке Изабелла, ранее обвинившая Анджело, наместника венского герцога, в тяжких преступлениях, говорит о том, что ее речь может удивить присутствующих; однако она заверяет своих слушателей, что

ее слова — правда. Рассмотрим, как эта мысль оформлена в оригинале, а также в немецком и русском переводах.

В тексте первоисточника обращает на себя внимание регулярное повторение однокоренных лексем *truer — true — true — truth — truth*. В первых двух строках фрагмента речь идет о том, что слова Изабеллы соответствуют действительности (значение «истинное высказывание»). Для усиления этой мысли Изабелла соотносит свои слова, во-первых, с известным всем фактом о том, что человека, против которого направлены ее обвинения, зовут Анджело, а во-вторых, с очевидным удивлением, которое вызывают ее слова у присутствующих. При этом прилагательное *true* обретает качественную характеристику, подобно противопоставляемому ему прилагательному *strange* («not truer... than», «as true as it is strange»). Более того, «правдивость» своего утверждения Изабелла ставит выше, чем его «странность» («it is ten times true»), поясняя эту мысль сентенцией «truth is truth» — на первый взгляд, тривиальным тавтологичным высказыванием. Здесь мы наблюдаем переход от обсуждения истинности конкретного утверждения к рассуждению общего характера о сущности правды (одновременно с этим происходит переход от прилагательного *true* к существительному *truth*).

Говоря устами Изабеллы, что «truth is truth», Шекспир указывает на то, что правда — это нечто объективное и не зависящее от человека, существующее помимо его воли и желания. Напротив, *странность*, о которой шла речь в предыдущих строках — это преходящая и субъективная характеристика: то, что представляется странным одному человеку, не обязательно будет таковым для другого; в то же время *правда* для всех одна. Одновременно подчеркивается и связь концепта *truth* с высшим, божественным миром, миром вневременных и неизменных истин: в последней строке отрывка речь идет о том, что правда останется неизменной до конца времен (многозначное слово

«reckoning» в последней строке можно перевести как «итог», «расплата» или «воздаяние»).

В немецком переводе А. Шлегеля наблюдается аналогичное первоисточнику повторение однокоренных лексем *wahrer* — *wahr* — *wahrer* — *Wahrheit* — *Wahrheit*. В целом немецкий текст достаточно близок к оригинальному английскому и в структурном, и в содержательном плане. Мысль о непреходящем характере правды, изящно выраженная Шекспиром при помощи сентенции «truth is truth», в немецком переводе получает похожее воплощение — «Wahrheit bleibt ja Wahrheit», то есть «правда останется правдой» (несколько иначе данный пассаж выглядит в переводе Й. В. О. Бенды: «Wahrheit ist ja wahr» [38, S. 136] — здесь вместо дословного повтора присутствует корневой с прилагательным *wahr* в предикативной позиции, где оно выступает в качестве характеристики существительного *Wahrheit* и актуализирует его семантические свойства). Наконец, в последней строке Шлегель вслед за Шекспиром указывает на неизменность правды с течением времени (немецкое *die Summe* соответствует *reckoning* из оригинального текста, выражая мысль о конечном итоге).

В русском переводе, в отличие от английского и немецкого текстов, используются дериваты двух лексем: *верно* — *верно* — *верней* — *правда* — *правдой*. Выбор слова *верный* как эквивалента английского *true* согласуется с данными «Англо-русского большого универсального переводческого словаря», ставящего именно эту лексему в начало обширного ряда русских соответствий английскому слову *true*: «верный, правильный, правдивый, достоверный, точный...» [1]. Лексема с корнем *вер-* подходит для перевода прилагательного *true*, но для существительного *truth* необходима другая единица, в качестве которой русский переводчик выбирает слово *правда*, подчеркивающее объективность факта, его неизменность и в то же время связь с миром человека. Будучи в меньшей степени, нежели *истина*, связанной

с концептом божественного, лексема *правда*, тем не менее, вполне может употребляться и в высоком контексте (см. ниже также примеры из п. 3.2). Финальный пассаж отрывка в русском переводе («правда правдой / Всегда останется») аналогично немецкому и английскому вариантам указывает на вечность и неизменность правды, однако игнорирует религиозную подоплеку.

Несмотря на схожесть подходов немецкого и русского переводчиков в ряде моментов, наибольшая общность способов выражения концепта истины в рассматриваемом фрагменте обнаруживается между английским оригиналом и немецким переводом. Согласно формулировке Дж. Лайонза, «степень семантического изоморфизма между любыми двумя языками в значительной мере зависит от степени близости культуры двух обществ, использующих эти языки» [25, с. 72]. Несомненно, большая близость английского и немецкого языков обусловила возможность переноса смысла оригинала в немецкий текст с минимальными изменениями, в то время как в русском переводе были задействованы две лексемы с различными корнями для двух концептуально различных частей высказывания.

3.2 Оригинальный текст на русском языке — переводные тексты на немецком и английском языках

В качестве оригинального русского текста мы возьмем трагедию А. С. Пушкина «Борис Годунов», в строках которой несколько раз происходит обращение к концепту истины, воплощаемой при помощи двух основных лексических единиц — *правда* и *истина*. Проследим, какие оттенки значения Пушкин передает этими словами и каким образом они переданы в немецком (перев. Ф. Боденштедта) и английском (перев. А. Хайеса) переводах.

Ниже приведен пример реализации значения «истинное высказывание» — слова царя Бориса, обращенные к Василию Шуйскому:

теперь / Тебя крестом и богом заклинаю, / По совести мне **правду** объяви: / Узнал ли ты убитого младенца / И не было ль подмена? Отвечай [28, с. 387].

Beim Heiland und bei Gott beschwör' ich Dich, / Sag' mir die **Wahrheit** jetzt ans Dein Gewissen: / Erkannst Du die Leiche des Erschlagenen? / Hat man Dich nicht getäuscht? Antworte **wahr!** [36, S. 54].

Now by the Cross and God I do adjure thee, / Declare to me the **truth** upon thy conscience; / Didst recognise the slaughtered boy; was't not / A substitute? Reply [37].

Несмотря на возвышенно-торжественный тон пассажа и на апелляцию к Богу и священным символам, воззвание к совести, содержащееся также в немецком и английском текстах (нем. *Gewissen*, англ. *conscience*) переводит данный фрагмент в сферу человеческого мира. Таким образом, употребление лексемы *правда* в данном контексте можно считать классическим решением. В переводах на немецкий и английский языки семантика данного фрагмента передана достаточно простыми лексическими средствами — *die Wahrheit* и *the truth* соответственно, причем определенные артикли указывают на конкретность и единственность правды. В немецком тексте требование правдивого ответа усилено корневым повтором в заключительной части высказывания: «Antworte wahr!».

Следующий пример, в котором реализовано в сущности то же значение, демонстрирует, однако, употребление Пушкиным лексемы *истина* в словах Лжедмитрия к Марине Мнишек:

Нет, полно мне притворствоваться! Скажу / Всю **истину**; твой Димитрий / Давно погиб, зарыт — и не воскреснет [28, с. 397].

Genug ist's der Verstellung! jetzt sollst Du / Die ganze **Wahrheit** wissen: so vernimm denn, / Marinas

Dein Dimitry ist längst todt, / Ist längst begraben — wird nie wiederkehren! [36, S. 69].

I have done / With counterfeiting, and will tell the **truth**. / Know, then, that thy Dimitry long ago / Perished, was buried — and will not rise again [37].

В отличие от предыдущего примера, в словах героя поэмы содержится не «запрос на правду», а ее добровольное раскрытие после долгого молчания (ср. *открыть истину*). Тем не менее, причины выбора лексемы *правда* в первом из приведенных контекстов и *истина* во втором вряд ли могут быть исчерпывающе сформулированы на основе сугубо семантико-прагматических критериев. Несомненно, мы имеем дело с индивидуально-авторским употреблением, обусловленным целым комплексом причин: многослойностью смыслов, выражаемых избранными поэтом лексическими единицами, формально-ритмической организацией стихотворного текста и просто личными предпочтениями автора в каждой конкретной языковой ситуации.

В немецком и английском текстах приведенный отрывок переведен так, как, вероятнее всего, было бы переведено сочетание «сказать (всю) правду» — при помощи сочетания «Die ganze Wahrheit» в немецком и чуть более сдержанного «the truth» в английском. В последнем случае отсутствует аналог формы местоимения «весь», семантика которого в некоторой степени уже имплицитно присутствует в структуре значения существительного *truth*.

Принципиально иное воплощение концепта истины мы видим в следующем примере:

Шуйский
Конечно, царь: сильна твоя держава,
Ты милостью, раденьем и щедротой
Усыновил сердца своих рабов.
Но знаешь сам: бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,

Мгновенному внушению послушна,
Для **истины** глуха и равнодушна,
А баснями питается она [28, с. 386].

В данном пассаже речь идет об истине как о высокой абстрактной сущности. Это представление усиливается противопоставлением возвышенной истины и «бессмысленной черни», которая к ней «глуха и равнодушна». То же противопоставление наблюдается в немецком («*der unvernünft'ge Pöbel*» — «*Die Wahrheit aber läßt ihn taub und kalt*») и английском («*The mob is thoughtless, ... To truth deaf and indifferent*») текстах.

Mein gnäd'ger Zar! Dein Thron steht fest
begründet;
Durch Gnade, Sorgfalt und Freigebigkeit
Hast Du die Herzen Deines Volks gewonnen,
Doch weißt Du selbst: der unvernünft'ge Pöbel
Ist treulos, wetterwendisch, abergläubisch,
Läßt sich durch leere Hoffnung leicht bethöret,
Leiht der Verführung allezeit sein Ohr;
Die **Wahrheit** aber läßt ihn taub und kalt,
Die dümmsten Märchen sind sein liebstes Futter,
Und leicht bewegt man ihn zu frechem Wagniß
[36, S. 52].

Thy state, my liege, is firm; by graciousness,
Zeal, bounty, thou hast won the filial love
Of all thy slaves; but thou thyself dost know
The mob is thoughtless, changeable, rebellious,
Credulous, lightly given to vain hope,
Obedient to each momentary impulse,
To **truth** deaf and indifferent; it feedeth
On fables; shameless boldness pleaseth it [37].

О «вечных истинах» идет речь и в словах патриарха, в которых, однако, мы видим употребление лексемы *правда*:

Ты грешнику погибели не хочешь, / Ты тихо
ждешь — да про́йдет заблужденье / Оно прой-
дет, и солнце **правды** вечной / Всех озарит
[28, с. 404].

daß Du den Sünder selbst / Verschonest, ihn nicht
verdirbst in seiner Sünde / Mild wartest bis des

Irrthums Nacht vergeht. / Sie wird vergehn! der
ew'gen **Wahrheit** Sonne / Wird Allen leuchten
[36, S. 79].

Thou wishest not perdition for the sinner, / Thou
wilt wait quietly, until delusion / Shall pass away;
for pass away it will, / And **truth's** eternal sun
will dawn on all [37].

Здесь мысль о вечности правды Пушкин подчеркивает при помощи сравнения с восходом солнца: с одной стороны, путь солнца по небу постоянен и неизменен, с другой — солнечный свет традиционно выступает символом знания, а восход — новой жизни и новых надежд. При этом не теряется и связь с «делами земными»: патриарх говорит о вразумлении грешника и об избавлении его от заблуждений (ср. *жить по правде*). В переводах на немецкий и английский языки концепт истины стандартным образом воплощается в лексических единицах *Wahrheit* и *truth* соответственно; при этом в немецком тексте метафора солнечного восхода получает развитие: заблуждение грешника уподобляется ночи («*die Irrthums Nacht*»), за которой неизбежно приходит рассвет.

Анализ фрагментов пушкинской трагедии демонстрирует устойчивое противопоставление лексем *правда* и *истина* немецкому *Wahrheit* и английскому *truth* в различных языковых ситуациях — как связанных с истинностным значением конкретного высказывания, так и имеющих отношение к высокому и вечному. Разграничение слов *правда* и *истина* по сферам употребления, как и в случае русских переводов Шекспира, представляет собой нетривиальную задачу: в рамках него оказывается возможным лишь обозначить основные тенденции. В частности, можно говорить о том, что в тексте Пушкина, принадлежащем к первой половине XIX века, еще не наблюдается характерного для более позднего времени противопоставления *истины* как божественной категории *правде* как категории земной.

3.3 Оригинальный текст на немецком языке — переводные тексты на английском и русском языках

Для подтверждения наблюдений, основанных на сопоставлении фрагментов стихотворного наследия Шекспира и Пушкина, обратимся к поэтическому творчеству ещё одного литературного гиганта Европы — И. В. Гёте. В качестве материала для анализа мы выбрали самое известное произведение немецкого автора — трагедию «Фауст», наполненную философскими рассуждениями и жанровыми описаниями.

В тексте Гёте имеется немало высказываний, содержащих лексему *Wahrheit* в различных сочетаниях. Так, Мефистофель, обращаясь к Фаусту во время их первой встречи, говорит: «**Bescheidne Wahrheit** sprech' ich dir» [42, S. 104]; давая собственному сообщению подобную характеристику, он дистанцируется от сказанного и подчеркивает его объективный характер, не зависящий от говорящего. В английском (перев. А. С. Клайна) и русском (перев. Н. А. Холодковского) переводах характеризующий компонент выражен не прилагательным, а наречием: «I'm speaking the **truth** to you, and **modestly**» [41]; «Я **скромно** высказал лишь **правду**, без сомнений» [20, с. 52]. При таком оформлении *скромность* представляется как характеристика не самой правды, а того, кто ее озвучивает; в немецком оригинале эта мысль передана лишь имплицитно.

В другой сцене сам Фауст говорит об истине как о вечном недостижимом идеале, к которому можно лишь стремиться, и уподобляет ее зеркалу, которое, как известно, не умеет лгать: «Ich, Ebenbild der Gottheit, das sich schon / Ganz nah gedünkt dem **Spiegel ew'ger Wahrheit**» [42, S. 84]. Образ зеркала исчезает из английского перевода, замененный «духом вечной истины» («I, image of the Godhead, already one, / Who thought the **spirit of eternal truth** so near» [41]), но сохраняется в русском («**К зеркалу истины, сияющей и вечной**, / Я, образ божества, приблизиться мечтал» [20, с. 29]).

Далее рассмотрим фрагмент, в котором слово *Wahrheit* повторяется дважды, и проследим, какие предпочтения в выборе соответствующих лексем наличествуют в русском и английском переводах.

HEROLD.
Was soll's, ihr Toren? soll mir das?
Es ist ja nur ein Maskenspaß.
Heut abend wird nicht mehr begehrt;
Glaubt ihr, man geb' euch Gold und Wert?
Sind doch für euch in diesem Spiel
Selbst Rechenpfennige zuviel.
Ihr Täppischen! ein artiger Schein
Soll gleich **die plumpe Wahrheit** sein.
Was soll euch **Wahrheit**? — Dumpfen Wahn
Packt ihr an allen Zipfeln an [42, S. 236–237].

В приведенном фрагменте немецкого текста концепт истины получает два разных модификатора исходного значения: 1) при помощи адъективного атрибута *die plumpe Wahrheit*, передающего «рационально-объективную и эмоционально-субъективную оценку» (термин С. Т. Нефедова, см.: [26, с. 246]), 2) при помощи контекста вопроса, обращенного герольдом в позиции «сверху вниз» к веселящейся маскарадной толпе вокруг: «Was soll euch Wahrheit?». В первом случае герольд говорит о «конкретной» правде, которая состоит в том, что происходящее — лишь притворство, маскарад; но такая правда не привлекает толпу, предпочитающую ей обман. Во втором случае речь о «правде вообще», о принципе приверженности правде (обращение одновременно к сфере логики и к божественному миру). При этом вопрос герольда очевидным образом является риторическим, ясно подразумевая негативный ответ («Что для вас правда? Ничто!»), и по сути представляет собой эмфатическое отрицание.

Рассмотрим, каким образом противопоставление этих двух репрезентаций концепта истины представлено в двух переводах:

What's this, you Fools? Ah, yes,
It's no more than a maskers' jest.

Tonight, don't ask for any more:
Think you, we'd give you golden ore?
In this game there are any amount
Of pennies: too many for you to count.
You clumsy idiots! A fine appearance,
Seems, to you, **truth's** naked essence.
What is your **Truth**? — Hollow illusion
Grasps you, with its fool's cap on [41].

Глупцы! Чего они хотят!
Ведь это шутка, маскарад!
Чего ж сегодня больше ждать?
Ужели золота вам дать?
Здесь все игра, забава: тут
Вам и жетонов не дадут
Хотите ль, чтоб обман златой
Стал **правдой грубой и простой**?
Что в **правде** вам? Всяк бреду рад,
Мечту все ловят нарасхват [20, с. 232].

В английском тексте не случайно первое употребление слова дается со строчной буквы (*truth*), а второй — с заглавной (*Truth*). Тем самым переводчик дает понять, что мы имеем дело с двумя разными оттенками значения слова как фиксацией некоторой концептуальной разницы. Таким образом, противопоставление двух пониманий истины получает дополнительное выражение средствами графики. В русском переводе данное противоположение выражено лишь атрибутами «грубой и простой» при первом употреблении слова «правда» и отсутствием определений при втором.

И, наконец, приведем еще один русский перевод «Фауста» Гёте, но весьма неожиданный, прозаический перевод А. Л. Соколовского:

Куда вы лезете, глупцы? На что надеетесь?
Ведь это только маскарадная забава. Разве от
сегодняшнего можно ожидать чего-нибудь боль-
шого? Неужели вы в самом деле вообразили,
будто вам будут раздавать золото и ценности?
В этой забаве совершенно достаточно будет
для вас жетонов. О, глупцы! Искусную под-
делку принимаете за **правду**. На что вам

в таком случае **истина**? Глупейшую мечту
стараетесь вы схватить обеими руками!
[21, с. 170].

Таким образом, переводчик передает различие между «конкретной» и «общей» истиной при помощи противопоставления лексем *правда* — *истина*, аналогично тому как Клайн передал его при помощи изменения регистра начальной буквы. Такое распределение лексических единиц выступает яркой иллюстрацией мысли Арутюновой о локализованности русских концептов правды и истины в человеческом и божественном мирах соответственно — хотя и с известными оговорками.

4. Заключение

Приведенный обзор русско-немецко-английских лексических соответствий не следует рассматривать как исчерпывающий перечень языковых ситуаций, в которых может быть реализован концепт истины. Скорее он представляет собой подборку ярких примеров из прецедентных текстов, посредством которых иллюстрируются основные способы воплощения указанного концепта в русском, немецком и английском языках, а также способы передачи формы и смысла таких фрагментов при переводе.

Приведенные фрагменты произведений классиков английской, немецкой и русской литературы демонстрируют устойчивое соответствие лексем *truth* — *Wahrheit* — *правда/истина*, причем вне зависимости от языка оригинала. Что касается распределения русских слов *правда* и *истина* по сферам употребления, то тезис о том, что они относятся к разным концептуальным пространствам, подтверждается лишь отчасти. Действительно, в большинстве рассмотренных примеров *правда* носит конкретный характер и имеет отношение к определенной ситуации из мира человека. В то же время *истина* зачастую мыслится как абстрактная сущность, связанная с божественным началом, а приверженность ей — как жизненный принцип. Однако языковой материал настоящей

статьи демонстрирует и иные случаи употребления обеих лексем — конкретная истина («скажу всю истину») и абстрактная правда («солнце правды вечной»). Это было бы невозможно, если бы различия в семантике этих двух слов доминировали над общими компонентами.

К числу таких компонентов можно отнести объективность (независимость от говорящего), вневременной характер (неизменность с течением времени) и высокую нравственную оценку. Эти семы присутствуют также и в структуре значения немецкого *Wahrheit* и английского *truth*, делая возможным употребление одной и той же лексемы в различных ситуациях. Однако приведенные в статье примеры свидетельствуют о том, что фундаментальное различие между конкретной и абстрактной сферой употребления — реальность не только для русского, но также и для немецкого и английского языков. Индикатором принадлежности к первой из этих сфер могут служить определенные артикли (*die Wahrheit* — *the truth*), глаголы говорения («Sag' mir die Wahrheit» — «Declare to me the truth»), а также конструкции, характеризующие говорящего (англ. «I'm speaking the truth

to you, and modestly») или предмет его высказывания (нем. «die plumpe Wahrheit»). Принадлежность к абстрактной сфере маркируется эпитетами, указывающими на вневременной характер («ewige Wahrheit» — «eternal truth»), сравнениями с солнцем и с зеркалом и даже написанием с прописной буквы («What is your Truth?»). В примере из текста Шекспира переход из одной сферы в другую сопровождается переходом от прилагательного *true* к существительному *truth* (аналогично в немецком тексте — от *wahr* к *Wahrheit*).

Несмотря на то, что немецкое *Wahrheit* и английское *truth* не связаны этимологически и становление их значений шло различными путями, в рассмотренных текстах они выступают как эквиваленты (то же можно сказать о прилагательных *wahr* и *true*). В русскоязычных примерах тот же спектр значений выражается не одной, а несколькими лексемами (*правда*, *истина*, а также прилагательное *верный*), однако сам комплекс передаваемых смыслов и оттенков не претерпевает заметных изменений по сравнению с параллельными немецкими и английскими фрагментами.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Англо-русский большой универсальный переводческий словарь // Academic.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://big_en_ru.academic.ru (дата обращения: 25.09.2021).
2. Большой немецко-русский словарь: В 2 т. Т. 2 L – Z / под ред. О. И. Москальской. 2-е изд. М.: Русский язык, 1980. 656 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. И – О / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. И. Даля. 3-е изд., испр. и знач. Доп. СПб.; М.: Тип. т-ва М. О. Вольф, 1905. 2030 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
5. Cambridge English Dictionary. [Online]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english> (accessed 25.09.2021).
6. Collins Dictionary. [Online]. URL: <https://collinsdictionary.com/dictionary/english> (accessed 25.09.2021).
7. Daum E, Schenk W. Großes Schulwörterbuch Russisch. München: Langenscheidt Verlag, 2004. 1717 S.
8. Dictionary // Merriam-Webster. [Online]. URL: <https://merriam-webster.com> (accessed 25.09.2021).
9. Duden: Sprache sagt alles. [Online]. URL: <https://www.duden.de> (accessed 25.09.2021).
10. Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch: 33 Bd. Bd. 27: W — Weg[zwitschern]-zwiesel. Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1922. [Online]. URL: <https://woerterbuchnetz.de> (accessed 25.09.2021).
11. Lexen M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. 28. Aufl. Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1956. 343 S.
12. Oxford Advanced Learner's Dictionary. [Online]. URL: <https://oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed 25.09.2021).

13. Oxford Dictionary of English / ed. by A. Stevenson. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2010. [Online]. URL: <https://www.doi.org/10.1093/acref/9780199571123.001.0001> (accessed 25.09.2021).
14. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology / ed. by T. F. Hoad. Oxford: Oxford University Press, 1996. [Online]. URL: <https://www.doi.org/10.1093/acref/9780192830982.001.0001> (accessed 25.09.2021).
15. WordNet: A Lexical Database for English. Princeton University, 2010. [Online]. URL: <https://wordnet.princeton.edu> (accessed 25.09.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

16. Арутюнова Н. Д. Истина и этика // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 7–23.
17. Арутюнова Н. Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 21–30.
18. Арутюнова Н. Д. От редактора (предисловие) // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 3–6.
19. Гак В. Г. Истина и люди // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 24–31.
20. Гёте И. В. Фауст. Трагедия / под общ. ред. Р. В. Грищенкова. СПб.: Кристалл, 2002. 480 с.
21. Гёте И. В. Фауст. Трагедия Гёте в двух частях / перевод и объяснение А. Л. Соколовского. СПб.: Тип. Бр. Пантелеевых, 1902. 364 с.
22. Жирмунский В. М. История немецкого языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. 387 с.
23. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988. 309 с.
24. Колианский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / отв. ред. А. А. Шахнарович. 5-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 120 с.
25. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 544 с.
26. Нефедов С. Т. Теоретическая грамматика немецкого языка. Морфология. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2018. 354 с.
27. Полторацкий А. И. Слово *truth* в произведениях Шекспира (Риторический дискурс) // Логический анализ языка. Истина и истинность в языке и культуре. М.: Наука, 1995. С. 102–109.
28. Пушкин А. С. Борис Годунов // А. С. Пушкин. Сочинения: в 3 т. Т. II. Поэмы. Евгений Онегин. Драматические произведения. М.: Художественная литература, 1986. С. 354–426.
29. Тураева З. Я. От мастерства писателя к открытиям читателя: В поисках сущности текста. М.: ЛЕНАНД, 2016. 144 с.
30. Флоренский П. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Путь, 1914. 809 с.
31. Франк С. Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии (пер. с нем. А. Власкина и А. Ермичева) // Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 149–160.
32. Шекспир У. Мера за меру // Шекспир У. Комедии: Пьесы / пер. с англ. М. Зенкевича, М. Донского, П. Мелковой, Т. Щепкиной-Куперник. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 351–474.
33. Шмелев А. Д. Правда vs. истина в диахроническом аспекте: (Краткая заметка) // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 55–57.
34. Günthner S. Sprache und Kultur // Sprachwissenschaft. Grammatik — Interaktion — Kognition / Hrsg. P. Auer. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler Verlag, 2013. S. 347–376.
35. Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 6. Aufl. Straßburg: Karl J. Trübner Verlag, 1899. 510 S.
36. Puschkin A. Boriss Godunoff. Historisches Drama in fünf Akten und einem Vorspiel // Dramatische Werke von Alexander Puschkin / deutsch von Fr. Bodenstedt. Berlin: Verlag der Dreckerschen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei, 1855. S. 1–113.
37. Pushkin A. Boris Godunov (1918) by Alexander Pushkin, translated by A. Hayes // Wikisource. [Online]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Boris_Godunov (accessed 25.09.2021).
38. Shakespeare W. Maaß für Maaß // Shakespeare's dramatische Werke. Übersetzt und erläutert von J. W. O. Benda. Bd. 3. Leipzig: bei Georg Joachim Göschen Verlag, 1825. S. 1–166.
39. Shakespeare W. Maaß für Maaß // Shakespeare's dramatische Werke. Übersetzt von A. W. von Schlegel. Bd. 5. Berlin: S. Keimer Verlag, 1831. S. 291–374.

40. *Shakespeare W.* Measure for Measure: Entire Play // The Complete Works of William Shakespeare. [Online]. URL: <http://shakespeare.mit.edu/measure/full.html> (accessed 25.09.2021).
41. *Von Goethe J. W.* Faust — Parts I & II // Poetry in Translation. [Online]. URL: <https://poetryintranslation.com/PITBR/German/Fausthome.php> (accessed 25.09.2021).
42. *Von Goethe J. W.* Faust: Urfaust, Faust I und II, Paralipomena, Goethe über Faust / mit einem Nachwort von Walter Dietze. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1973. 780 S.

DICTIONARIES AND SOURCES

1. Anglo-russkij bol'shoj universal'nyj perevodcheskij slovar' // Academic.ru. [Elektronnyj resurs]. URL: https://big_en_ru.academic.ru (data obrashcheniya: 25.09.2021).
2. Bol'shoj nemetsko-russkij slovar': V 2 t. T. 2 L – Z / pod red. O. I. Moskal'skoj. 2-e izd. M.: Russkij yazyk, 1980. 656 s.
3. *Dal' V. I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. T. 2. I – O / pod red. I. A. Boduena de Kurtene, V. I. Dalya. 3-e izd., ispr. i znach. Dop. SPb.; M.: Tip. t-va M. O. Vol'f, 1905. 2030 s.
4. Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar' / pod red. V. N. Yartsevoj. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 685 s.
5. Cambridge English Dictionary. [Online]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english> (accessed 25.09.2021).
6. Collins Dictionary. [Online]. URL: <https://collinsdictionary.com/dictionary/english> (accessed 25.09.2021).
7. *Daum E, Schenk W.* Großes Schulwörterbuch Russisch. München: Langenscheidt Verlag, 2004. 1717 S.
8. Dictionary // Merriam-Webster. [Online]. URL: <https://merriam-webster.com> (accessed 25.09.2021).
9. Duden: Sprache sagt alles. [Online]. URL: <https://www.duden.de> (accessed 25.09.2021).
10. *Grimm J., Grimm W.* Deutsches Wörterbuch: 33 Bd. Bd. 27: W — Weg[zwitschern]-zwiesel. Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1922. [Online]. URL: <https://woerterbuchnetz.de> (accessed 25.09.2021).
11. *Lexler M.* Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. 28. Aufl. Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1956. 343 S.
12. Oxford Advanced Learner's Dictionary. [Online]. URL: <https://oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed 25.09.2021).
13. Oxford Dictionary of English / ed. by A. Stevenson. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2010. [Online]. URL: <https://www.doi.org/10.1093/acref/9780199571123.001.0001> (accessed 25.09.2021).
14. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology / ed. by T. F. Hoad. Oxford: Oxford University Press, 1996. [Online]. URL: <https://www.doi.org/10.1093/acref/9780192830982.001.0001> (accessed 25.09.2021).
15. WordNet: A Lexical Database for English. Princeton University, 2010. [Online]. URL: <https://wordnet.princeton.edu> (accessed 25.09.2021).

REFERENCES

16. *Arutyunova N. D.* Istina i etika // Logicheskij analiz yazyka: Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke. M.: Nauka, 1995. S. 7–23.
17. *Arutyunova N. D.* Istina: fon i konnotatsii // Logicheskij analiz yazyka: Kul'turnye kontsepty. M.: Nauka, 1991. S. 21–30.
18. *Arutyunova N. D.* Ot redaktora (predislovie) // Logicheskij analiz yazyka: Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke. M.: Nauka, 1995. S. 3–6.
19. *Gak V. G.* Istina i lyudi // Logicheskij analiz yazyka: Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke. M.: Nauka, 1995. S. 24–31.
20. *Gete I. V.* Faust. Tragediya / pod obshch. red. R. V. Grishchenkova. SPb.: Kristall, 2002. 480 s.
21. *Gete I. V.* Faust. Tragediya Gete v dvukh chastyakh / perevod i ob'yasnenie A. L. Sokolovskogo. SPb.: Tip. Br. Panteleevykh, 1902. 364 s.
22. *Zhirmunskij V. M.* Istoriya nemetskogo yazyka. M.: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1956. 387 s.
23. *Kasevich V. B.* Semantika. Sintaksis. Morfologiya. M.: Nauka, 1988. 309 s.
24. *Kolshanskij G. V.* Ob'ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke / otv. red. A. A. Shakhnarovich. 5-e izd. M.: LIBROKOM, 2013. 120 s.
25. *Lajonz Dzh.* Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku. M.: Progress, 1978. 544 s.

26. *Nefedov S. T.* Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka. Morfologiya. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2018. 354 s.
27. *Poltoratskij A. I.* Slovo truth v proizvedeniyakh Shekspira (Ritoricheskij diskurs) // Logicheskij analiz yazyka. Istina i istinnost' v yazyke i kul'ture. M.: Nauka, 1995. S. 102–109.
28. *Pushkin A. S.* Boris Godunov // A. S. Pushkin. Sochineniya: v 3 t. T. II. Poemy. Evgenij Onegin. Dramaticheskie proizvedeniya. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. S. 354–426.
29. *Turaeva Z. Ya.* Ot masterstva pisatelya k otkrytiyam chitatelya: V poiskakh sushchnosti teksta. M.: LENAND, 2016. 144 s.
30. *Florenskij P.* Stolp i utverzhenie Istiny. Opyt pravoslavnoj teoditsei v dvenadtsati pis'makh. M.: Put', 1914. 809 s.
31. *Frank S. L.* Sushchnost' i vedushchie motivy russkoj filosofii (per. s nem. A. Vlaskina i A. Ermicheva) // Russkoe mirovozzrenie. SPb.: Nauka, 1996. S. 149–160.
32. *Shekspir U.* Mera za meru // Shekspir U. Komedii: P'esy / per. s angl. M. Zenkevicha, M. Donskogo, P. Melkovej, T. Shchepkinoy-Kupernik. M.: EKSMO-Press, 2000. S. 351–474.
33. *Shmelev A. D.* Pravda vs. istina v diakhronicheskom aspekte: (Kratkaya zametka) // Logicheskij analiz yazyka: Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke. M.: Nauka, 1995. S. 55–57.
34. *Günthner S.* Sprache und Kultur // Sprachwissenschaft. Grammatik — Interaktion — Kognition / Hrsg. P. Auer. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler Verlag, 2013. S. 347–376.
35. *Kluge Fr.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 6. Aufl. Straßburg: Karl J. Trübner Verlag, 1899. 510 S.
36. *Puschkin A.* Boriss Godunoff. Historisches Drama in fünf Akten und einem Vorspiel // Dramatische Werke von Alexander Puschkin / deutsch von Fr. Bodenstedt. Berlin: Verlag der Dreckerschen Geheimen Ober-Hofbuchdruckerei, 1855. S. 1–113.
37. *Pushkin A.* Boris Godunov (1918) by Alexander Pushkin, translated by A. Hayes // Wikisource. [Online]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Boris_Godunov (accessed 25.09.2021).
38. *Shakespeare W.* Maaß für Maaß // Shakespeare's dramatische Werke. Übersetzt und erläutert von J. W. O. Benda. Bd. 3. Leipzig: bei Georg Joachim Göschen Verlag, 1825. S. 1–166.
39. *Shakespeare W.* Maaß für Maaß // Shakespeare's dramatische Werke. Übersetzt von A. W. von Schlegel. Bd. 5. Berlin: S. Keimer Verlag, 1831. S. 291–374.
40. *Shakespeare W.* Measure for Measure: Entire Play // The Complete Works of William Shakespeare. [Online]. URL: <http://shakespeare.mit.edu/measure/full.html> (accessed 25.09.2021).
41. *Von Goethe J. W.* Faust — Parts I & II // Poetry in Translation. [Online]. URL: <https://poetryintranslation.com/PITBR/German/Fausthome.php> (accessed 25.09.2021).
42. *Von Goethe J. W.* Faust: Urfaust, Faust I und II, Paralipomena, Goethe über Faust / mit einem Nachwort von Walter Dietze. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1973. 780 S.